

*Е. В. Суслов***ПОТРЕБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В БЕЗОПАСНОСТИ
КАК ФАКТОР КОНФЛИКТОГЕННОСТИ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

Поступила в редакцию 04.07.2022 г.

Принята к публикации 10.10.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-8

96

Для цитирования: Суслов Е. В. Потребность человека в безопасности как фактор конфликтности в системе международных отношений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 96–107. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-8.

Предпринята попытка определить возможности снижения уровня противоречия между потребностью человека в безопасности и априори конфликтным состоянием системы международных отношений, подверженной перманентным изменениям. В качестве методологических «ключей» исследования предпочтение отдается методологии антропологического измерения международных отношений, позволяющей сделать вывод о том, что антропология международных отношений не отрицает роль государства, а лишь корректирует его функции, чтобы избежать их гиперболизации и способствовать превращению отдельного человека в приоритетный объект безопасности. Другим теоретико-методологическим основанием стала теория секьюритизации в анализе политики, демонстрирующая противоречия, которые возникают между процессом обеспечения национальной безопасности и реализацией потребности в безопасности отдельного человека, когда приходится жертвовать одним в пользу другого. Еще одним теоретическим основанием для статьи является теория иерархии потребностей А. Маслоу, вызвавшая наше возражение в адрес тезиса о том, что потребность в безопасности редко выступает как активная сила. Анализ эволюции парадигм обеспечения безопасности в системе международных отношений позволяет заключить, что сменяющаяся друг друга череда миропорядков формировалась как производное от закончившихся миром войн, в которых обнаруживается причинно-следственная связь между инстинктом к самосохранению и агрессивными действиями, между потребностью в безопасности и попытками ее удовлетворения любыми средствами. Предлагается решение комплексной задачи по удержанию на приемлемом уровне безопасности человека, что возможно только при условии тесного взаимодействия с государством.

Ключевые слова: миропорядок, секьюритизация, иерархия потребностей А. Маслоу, референтный объект безопасности

Введение

Феномен безопасности человека своими корнями уходит в глубь мировой истории, когда люди жили заботами о выживании, движимые инстинктами самосохранения и продолжения рода человеческого. С те-

чением времени эти потребности составили базовую часть витальных потребностей, то есть таких потребностей, без которых жизнь человека немислима. Позже сформировались иные потребности, связанные с его интеллектуальным взрослением. При этом потребность в безопасности человека не потеряла своей значимости, даже можно сказать, приобрела еще большее значение.

Сама эволюция термина «безопасность» представляет научный интерес. Примечательно, что термин «безопасность» тесно увязан с историей России. По словам И. В. Радикова, «уже в период расцвета Киевской державы, в XI в., встречается древнерусское слово “опась”, “опасение”, обозначающее не что иное, как внимательность, осторожность, тревогу в предвидении какой-либо неприятности... С XIII в. употребляется слово “опаси”, то есть спасти. Обезопасить, спасти, но не сохраниться, что говорит о понимании опасности как преходящей, не постоянной. И только с XV в. мы встречаем вариант “опасати ся”, то есть бояться, робеть, трусить, предвидя худое, не решаться на что-либо» [1, с. 32]. В словаре В. И. Даля безопасный (опасливый) уже понимается как «осторожный, предусмотрительный, защищенный, неопасный, неугрожающий, не могущий причинить зла или вреда» [3, с. 460].

Развитие человеческой цивилизации, растянувшись на века, с одной стороны, гуманизировало с некоторыми оговорками человеческую жизнь, называя ее самым дорогим, что есть у человека, с другой же — обесценивало ее, постоянно втягивая человека в конфликты самого широкого спектра: от вполне бескровных до кровопролитных.

Для системы международных отношений, формировавшейся долго и крайне противоречиво, конфликты, трансформировавшиеся в войны с огромными человеческими жертвами, стали наиболее очевидны. Пройдя через тернии непонимания, разногласий и откровенных конфликтов, на некоторое время удавалось создать вполне устойчивый миропорядок, однако с течением времени, будучи неспособным отвечать на вызовы со временности, он ветшал и приходил в негодность. Именно так происходит и сейчас, когда Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, выполнив свою роль, стала, по существу, достоянием истории, а новая система формируется на наших глазах. И можно не сомневаться, что конфигурация мирового порядка претерпит серьезные изменения. Как отмечается во введении к «Системной истории международных отношений» в 2 томах, международные отношения для нас — это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов (мировых политических процессов, внешней политики отдельных государств и т.п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из составляющих в отдельности [10, с. 14].

И какую бы траекторию миропорядок ни выписывал, система международных отношений продолжала опираться на потребности человека, общества и государства в стремлении к безопасности. При этом мы осознаем, что потребность человека в безопасности представляет собой амбивалентный феномен и не всегда способствует снижению конфликтности международных отношений. Будучи гражданином государ-

ства, человек добивается личной безопасности посредством государства, которому, как правило, вменяется обязанность защищать гражданина, требуя взамен его участия в секьюритизации самого государства.

Чрезмерное стремление к безопасности не может не создавать угрозы безопасности для окружающих, как, впрочем, и недооценка этой угрозы. Как правило, стремление к безопасности субъекта международных отношений реализуется за счет действий, направленных на подрыв, снижение уровня безопасности противостоящего субъекта, что приводит к антагонистическим конфликтам, разрушая систему международных отношений.

Цель нашей статьи — поиск возможностей, способствующих снижению уровня противоречия между потребностью человека в безопасности, с одной стороны, и априори конфликтогенным состоянием системы международных отношений — с другой.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

- 1) произвести реинтерпретацию понятия «система международных отношений», которое в ходе эволюции трансформировалось в понятие «мировая политика», структурно представляемое как «миропорядок»;
- 2) определить факторы конфликтогенности международных отношений, среди которых заметное место занимает потребность человека как базовый компонент, входящий в структуру практически всех этих факторов;
- 3) выявить сущность потребности человека в безопасности, причины, вызывающие эту потребность, а также эндогенные и экзогенные факторы усиления либо снижения его уровня.

Методы и теоретические основы исследования

В качестве методологического основания исследования предпочтительнее отдается методологии антропологического измерения международных отношений и теории секьюритизации в анализе политики в сочетании с теорией иерархии потребностей А. Маслоу, вошедшей в научный оборот под названием пирамиды потребностей Маслоу.

Политическая антропология как научное направление — явление новое. По словам А. С. Панарина, она «противостоит “системному” фетишизму — представлению об автоматически действующих механизмах власти и управления, о человеке как “исчезающей малой величине” в политическом процессе, а также узколобому прагматизму, упускающему из виду гуманистическое, ценностное измерение политики» [4, с. 88].

При этом следует заметить, что «в теоретико-методологическом плане антропология международных отношений нацелена не на отрицание роли государства в формировании гуманистических ценностей измерения политики, а на корректировку его функций в этом процессе и в итоге — на более глубокое понимание внешней политики государств, международных отношений и мировой политики» [11, с. 343]. Однако, как можно заметить, роль государства в условиях современных реалий заметно гиперболизирована, несмотря на появление таких соперничающих с ним акторов международной политики, как межправительственные организации (МПО) и неправительственные организации (НПО).

Если в условиях невоенного взаимодействия государств эти субъекты международных отношений, а сегодня уже мировой политики способны обеспечивать равновесие с государством — Левиафаном, то в иных обстоятельствах преимущество остается за государством. Подобное было продемонстрировано в условиях недавнего противостояния пандемии коронавируса.

Не менее справедливо в рамках политической антропологии замечено, что «международные отношения не только формируются человеком — они формируют человека, влияют на его жизнь» [11, с. 344]. В связи с этим можно утверждать, что глобальный мир предполагает формирование «человека международного», носителя определенных ценностей и международно-политических ориентаций, ориентированных на снижение уровня конфликтности в системе международных отношений. Это выводит его за пределы национального государства, и во всех его проявлениях с особой силой обнаруживается дуалистическая природа человека с его склонностями к добродетелям и злонамеренности.

Глубокие суждения на эту тему оставил для потомков Иммануил Кант, который отмечал, что человеку «присуща склонность деятельно стремиться к недозволенному, хотя он и знает, что это не дозволено, т. е. к злу...» [5, с. 365—366]. К числу «задатков добра» Кант относил стремление к продолжению человеческого рода, к общительности, к признанию своей ценности во мнении других, способность воспринимать уважение к моральному закону. Он подчеркивал, что между добрым и злым нет пропасти, они способны переходить друг в друга и человек как существо моральное никогда не может исчерпать все свои задатки доброго.

Следуя логике И. Канта, можно предположить, что потребность в безопасности — все-таки характерная черта человека неагрессивного, личности неавторитарной, для которого несвойственны «построение двухполярной системы взаимоотношений с миром», «деление всех людей на сильных и слабых, когда по отношению к сильным у такой личности возникают любовь и уважение, а по отношению к слабым — агрессия и презрение», «деструктивность, проявляющаяся в тревоге, скованности и чувстве бессилия, и автоматизирующий конформизм. Оба эти свойства психики способствуют усилению авторитаризма, так как приводят, в свою очередь, к готовности подчиниться власти, предлагающей личности избавиться от сомнений» [14].

При этом следует все же иметь в виду, что авторитарные личности не могут не нуждаться в своей безопасности, прибегая чаще всего к агрессии и насилию. Иными словами, переходя границы обеспечения собственной безопасности, они покушаются на чужую безопасность.

Теория секьюритизации в анализе политики — еще один методологический «ключ», к ресурсам которого мы обращаемся в статье. Эта концепция стала продуктом научного поиска теоретиков Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Вильде, наполнивших содержание понятия «международная безопасность» новыми смыслами, распространив его на политическую, экономическую, экологическую сферы и сферу безопасности общества. Однако, как это и принято в науке, концепция секьюритизации может быть подвергнута

критике из-за отсутствия в ней морально-этических критериев, которые, мы считаем, «очеловечивают» проблему безопасности, то есть реально ставят вопрос о безопасности человека.

Знаменательным фактом для актуализации рассматриваемой нами проблемы стало появление в 1994 г. в докладе Программы развития ООН термина «безопасность человека» (*human security*), который, с одной стороны, изменяет традиционный референтный объект безопасности (не государство, а человек), с другой — расширяет список областей безопасности. В этот список были включены экономическая безопасность, продовольственная безопасность, безопасность для здоровья, экологическая безопасность, личная безопасность, безопасность традиционных сообществ, политическая безопасность [11, с. 728]. В последующее десятилетие по инициативе ООН были созданы Целевой фонд ООН по безопасности человека (1999) и Комиссия по безопасности человека (2001), принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН.

Смысл секьюритизации сводится к тому, что «некий вопрос может превратиться из неполиitizedированного и не включенного в общественный дискурс в вопрос сначала политизированный, а затем и секьюритизированный, когда для решения этого вопроса государство вынуждено предпринимать экстраординарные меры, выходящие за рамки стандартных политических процедур» [11, с. 729]. Крайне важное значение в рамках нашей статьи приобретает утверждение о том, что «проблема становится секьюритизированной, когда государство, или политические и военные элиты, или гражданское общество (акторы секьюритизации) начинают говорить о каком-то уже политизированном вопросе как об угрозе существованию референтного объекта, чью безопасность необходимо обеспечить (государства, общества и т.д.). Государство и элиты могут секьюритизировать какую-то проблему, если с ней не удастся справиться при помощи стандартных политических инструментов и процедур» [11, с. 729].

Предполагаем, что вопрос в неполиitizedированном виде представляет собой аутентичную потребность в безопасности человека, поскольку политика в государствоцентричной парадигме понимается исключительно как искусство государственного управления, то есть как отправление власти. И это положение составляет основу реалистской парадигмы международного порядка.

Важно также отметить, что Б. Бузан не оставляет без внимания искомым нами предмет: «Анализируя понятие национальной безопасности, автор говорит о его внутренних противоречиях, проявляющихся, когда национальная безопасность противопоставлена индивидуальной» [11, с. 730], однако дальнейшего развития проблема безопасности человека не получает. Действительно, нередко процесс обеспечения национальной безопасности вступает в противоречие с потребностью безопасности человека, что нередко приводит к конфликтным прецедентам в сфере международных отношений.

В оправдание позиции Б. Бузана, как отмечают некоторые исследователи, можно заметить, что «корректное применение теории секьюритизации возможно только к европейским реалиям, так как сама теория создавалась на основе подхода о речевых актах (*speech act*), тогда как в

незападном мире процесс секьюритизации может иметь другие, неречевые выражения, например физические действия, кроме того, представители Копенгагенской школы исходят из представления о том, что европейская концепция государства универсальна для Вестфальской модели мира» [11, с. 736 – 737].

Теория секьюритизации, несомненно, имеет прямую связь с широко известной теорией иерархии потребностей А. Маслоу, получившей известность в середине прошлого века и ставшей своего рода настольной книгой для представителей гуманистической психологии, ярким представителем которой и был А. Маслоу. Он исходил из того, что поведение индивида во многом определяется потребностью, понимаемой как «состояние... создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности» [8, с. 287]. Согласно Маслоу, поведение индивида направляется последовательно: 1) физиологическими потребностями; 2) потребностью в безопасности (самосохранении, выживании); 3) потребностями в любви, принадлежности к какой-либо социальной группе (социальные потребности); 4) потребностями в признании и оценке со стороны других; 5) познавательными потребностями (потребность в информации, жажда знаний); 6) эстетическими потребностями (желание привнести в мир гармонию и красоту); 7) потребностью в самоактуализации (реализации человеком своих способностей и талантов) [9].

В контексте предлагаемой статьи интерес вызывает потребность в безопасности, которая, по А. Маслоу, выступает после физиологических потребностей в роли базовой, поскольку «все остальные потребности, отличающие человека, возникают только после удовлетворения потребности в безопасности» [6]. При этом можно смело предположить, что в случае ее удовлетворения потребности более высокого уровня начинают играть направляющую роль в поведении.

Гуманистичность теории Маслоу придает разделению автором безопасности человека на простую физическую безопасность и более сложную — духовную и социальную, а это означает, что потребность в безопасности не может существовать в изоляции, скажем, от потребности в самоактуализации или познавательных потребностей и ситуативно коррелируется со всеми сторонами жизни человека. По предположению Маслоу, «наука и философия как таковые в какой-то степени мотивированы потребностью в безопасности» [6] так же, как и «исключительно человеческая потребность в религии, в мировоззрении, стремление человека объяснить принципы мироздания и определить свое место в универсуме» [6].

Справедливости ради следует отметить, что в работе Маслоу присутствуют и пессимистически-реалистические мотивы, когда он пишет, что «потребность в безопасности редко выступает как активная сила, она доминирует только в ситуациях критических, экстремальных, побуждая организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой. Критическими или экстремальными ситуациями мы называем войны, болезни, стихийные бедствия, вспышки преступности, социальные кризисы, а также ситуации, отличающиеся хронически неблагоприятными, угрожающими условиями» [6]. Оппонируя А. Маслоу, заметим, что потребность в без-

опасности, трансформируясь в стремление к безопасности, превращается во вполне активную, если не сказать агрессивную, силу, априори создающую конфликтные ситуации. Но даже если исходить из логики Маслоу о пассивности потребности в безопасности, становится ясно, что конфликты в сфере как международной, так и внутренней политики неминуемы.

Эволюция парадигмы обеспечения безопасности

102

Потребность в безопасности стала ключевым элементом, в сущности, первого общественного договора, разработанного английским политическим мыслителем Томасом Гоббсом в середине XVII в., когда на его родине вспыхнула гражданская война. Используя древний афоризм «человек человеку волк», Гоббс пришел к убеждению, что природным состоянием человека является состояние «войны всех против всех», порождающее у людей страх друг перед другом. По Гоббсу, «умы людей от природы таковы, что если бы их не понуждал страх перед какой-нибудь общей властью, они бы не доверяли друг другу, боялись друг друга и с необходимостью стремились к тому, чтобы каждый мог по праву заботиться о себе собственными силами» [2, с. 291]. Иными словами, страх не приводит к разъединению, а, напротив, заставляет заботиться о всеобщей безопасности. Средство преодоления этой опасности — гражданской войны соотечественников — Гоббс видел в общественном договоре между государством и подданными, при условии что подданные, заинтересованные в собственной безопасности, сохранении жизни, отказываются от своих прав и свобод в пользу суверена, который и служит гарантом безопасности человека.

Гоббсовская парадигма безопасности человека подверглась пересмотру другим раннебуржуазным политическим мыслителем — Бенедиктом Спинозой, который считал, что лишь демократическое государство может быть гарантом личной безопасности и свободы для каждого гражданина. По Спинозе, «государство, которому передаются права по поддержанию правопорядка, не может быть государством абсолютистским, о котором говорит Гоббс. Цель Государства — не деспотизм, а свобода... Конечная цель государственного устройства жизни — не в том, чтобы абсолютно повелевать людьми и держать их в страхе, превращая разумные существа в животных или автоматы, а в том, чтобы освободить их от страха, дабы каждый сам мог поддерживать свое естественное право на жизнь и свободную деятельность без ущерба для себя и других» [15, с. 347].

Итак, очевидно, что политические философы еще в эпоху Средневековья придерживались противоположных взглядов в отношении гарантов, обеспечивающих безопасность человека. Нет полной ясности в этом вопросе и сегодня, хотя позиция Спинозы представляется более приемлемой, но и не бесспорной. Средневековые мыслители слабо оперировали понятиями «международные отношения», «международная безопасность», однако они определили векторы политической мысли, которые получили развитие, как уже было отмечено, в трудах их последователей в условиях складывающихся международных отношений.

Система отношений между государствами за свою относительно недолгую историю претерпела значительные изменения. Начало этих отношений было продиктовано потребностью в безопасности, прежде всего различного рода государственных образований и политических элит того времени. Безопасность подданных королей, императоров и других иерархов в расчет не принималась, ибо их в разной степени бесправное положение предполагало безоговорочное подчинение воле властвующей элиты.

Стартом для формирования международных отношений стали Вестфальские мирные договоренности (1648) как «временно устойчивый миропорядок» [7, с. 9], впервые заложивший отношения между европейскими государствами после завершения Тридцатилетней войны. Как отмечает Бенно Тешке, «после 1648 года формализованные отношения между нововременными суверенными государствами пришли на смену перекрестным отношениям между разнородными феодальными акторами, иерархические претензии которых венчались Империей и церковью» [12, с. 24]. Наступившее отныне господство суверенитета, ставшее характерной чертой Вестфальского миропорядка в истории международных отношений, обрело свою опору в монополии насилия, обеспечиваемого армией, секретными службами и дипломатией. Достижением Вестфалия стал «принцип мирного сосуществования равных в правовом отношении членов международного общества», «воплощенный в кодексе международного права, которым устанавливались отношения взаимного признания, невмешательства и толерантности» [12, с. 25]. Потребность в безопасности человека низкого социального сословия в расчет не принималась. Суверенитет в странах Вестфалия предполагал невмешательство во внутренние дела суверенных государств, поэтому можно себе представить уровень бесправия подданных самовластных монархов того времени.

Следующий за Вестфалем миропорядок утвердился как Венский и известен под названием посленаполеоновского «концерта великих держав» (1815—1914), инициировавшего создание системы правил взаимодействия европейских империй. Во избежание появления нового тирана, подобного Наполеону, державы согласились на поддержание принципа баланса сил, не допускавшего претензий великих держав на монопольное господство в Европе. Потребность в безопасности человека с опорой на принцип «лишь бы не было войны» была гарантирована без малого на сто лет. Не считая Крымской войны, Европе удалось избежать мировых войн.

Мир, подписанный в Версале в 1919 г., формально закрепил результаты Первой мировой войны, однако оказался кратковременным инструментом обеспечения международной безопасности. Дополнившая Версальскую систему Вашингтонская система международных отношений распространялась на Азиатско-Тихоокеанский регион и являлась более стабильной, но в обе системы не были включены СССР и Китай, которые считались деструктивными элементами новых систем международных отношений. Между тем субъектность этих стран могла бы способствовать усилению гибкости и устойчивости упомянутых международных систем в условиях нестабильности межвоенного мира.

Взгляд на Версальско-Вашингтонский миропорядок сквозь призму методологии антропологического измерения международных отношений», а именно одного из ее тезисов («Инстинкт к самосохранению — это тот самый инстинкт, который побуждает к агрессивным действиям. Отсюда вывод: “Целая гамма человеческих побуждений может стать поводом для вовлечения нации в войну... Среди этих побуждений жажда агрессии и разрушения, несомненно, присутствует...”» [13]), позволяет заключить следующее. Весь перечень уходящих в глубь истории миропорядков складывался как производное от закончившихся миром войн, в которых обнаруживается причинно-следственная связь между инстинктом к самосохранению и агрессивными действиями, между потребностью в безопасности и попытками удовлетворить ее любыми средствами.

И Ялтинско-Потсдамский мир не стал исключением из правил. Он был частью Вестфальской модели мира и подтвердил приверженность принципу баланса сил, однако разделение мира на сферы влияния между двумя сверхдержавами, отягченное правовой размытостью важнейших положений, привело к беспрецедентной конфликтности, закончившейся распадом СССР.

Таким образом, система международных отношений априори пребывает в состоянии перманентной конфликтности. Вызвано это обстоятельство многофакторной каузальностью (причинностью) когда причина одного события одновременно является причиной и другого события.

Среди множества причин усиления или ослабления международных конфликтов фактору потребностей человека в безопасности принадлежит особое место в силу сопряженности процессов развития и обеспечения безопасности. Так, «большинство людей меньше опасаются угроз, которые они выбирают самостоятельно, чем те, которые им навязываются» [9], поскольку в представлении подавляющего большинства людей источники международных конфликтов преимущественно находятся за пределами их страны проживания и навязываются потенциальными противниками извне. В этот же разряд опасностей и угроз они включают те, что «связаны с источниками, которым они не доверяют» [9], поскольку люди «меньше обеспокоены опасностями и угрозами, исходящими от людей, мест, правительств, которым они доверяют» [9]. Носители массового сознания, оказываясь в ситуации неопределенности при оценке состояния международных отношений, становятся притягательными объектами манипулирования для индоктринации доверия к значимым политическим персоналиям и институтам, что только усиливает остроту международных конфликтов.

Представляется, что надежным средством регулирования на линии «опасность / безопасность» в арсенале политиков, управленцев, конфликтологов может быть процедура десекьюритизации, представляющая собой «обратный процесс по возвращению секьюритизированного вопроса в рамки стандартной политической дискуссии» [11, с. 729]. Иными словами, речь идет об отказе от секьюритизации конфликтов, которые поддаются разрешению без участия политических акторов.

Таким образом, анализ, предпринятый нами в рамках данной статьи, дает основания для формулирования следующих выводов:

– противоречия, возникающие между процессом обеспечения национальной безопасности и реализацией потребности в безопасности отдельного человека, приводят к ущемлению одного процесса в пользу другого и, как правило, в пользу национальной безопасности;

– потребность человека в безопасности представляет собой амбивалентный феномен, реализация которого не всегда способствует снижению конфликтности международных отношений;

– потребность в безопасности, трансформируясь в стремление к безопасности, нередко превращается в агрессивную силу, априори создающую конфликтные ситуации в сфере международных отношений;

– стремление к безопасности субъекта международных отношений реализуется за счет действий, направленных на подрыв, снижение уровня безопасности противостоящего субъекта, что приводит к антагонистическим конфликтам и в итоге разрушает систему международных отношений;

– глобальный мир предполагает формирование «человека международного» как носителя определенных ценностей и международно-политических ориентаций, направляемых на снижение уровня конфликтности в системе международных отношений;

– весь перечень уходящих в глубь истории миропорядков складывался как производное от закончившихся миром войн, в которых обнаруживается причинно-следственная связь между инстинктом к самосохранению и агрессивными действиями, между потребностью в безопасности и попытками удовлетворить ее любыми средствами.

Список литературы

1. *Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики* : матер. науч. семинара / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2011.
2. Гоббс Т. Избр. произвед. : в 2 т. Т. 1. М., 1965.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2004.
4. Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В. Политическая антропология. М., 1995.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. Т. 7. М., 1994. С. 365–366.
6. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. СПб., 1999. URL: https://pedlib.ru/Books/1/0467/1_0467-75.shtml (дата обращения: 28.06.2022).
7. *Мировой порядок — время перемен* : сб. ст. / под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2019.
8. *Психология* : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990.
9. Ропейк Д., Грей Дж. Риск: руководство для принятия решений о том, что действительно безопасно и что представляет угрозу в окружающем мире. URL: <http://www.securitylab.ru/analytics/350799.php> (дата обращения: 28.06.2022).
10. *Системная история международных отношений* : в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1 : События 1918–1945 годов. М., 2006.
11. *Современная политическая наука: Методология* / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.

12. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / пер. с англ. Д. Кравлечкина ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М., 2011.

13. Фрейд З., Эйнштейн А. Истоки войн (переписка). URL: <https://vapp.ru/biblio/frejd-z/frejd-z-ejnshtejn-a-istoki-vojn-perepiska/> (дата обращения: 28.06.2022).

14. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2007. URL: <https://studfile.net/preview/4367007/> (дата обращения: 28.06.2022).

15. Чанышев А. А. История политических учений. М., 2006.

Об авторе

106

Евгений Валерианович Суслов — канд. полит. наук, доц., Марийский государственный университет, Россия.

E-mail: esuslov@mail.ru

E. V. Suslov

THE HUMAN NEED FOR SECURITY AS THE FACTOR OF CONFLICTOGENITY IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

Received 4 July 2022

Accepted 10 October 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-8

To cite this article: Suslov E. V. 2022, The human need for security as the factor of conflictogenicity in the system of international relations, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 96–107. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-8.

The proposed article attempts to determine the possibilities of reducing the level of contradiction between a person's need for security and the a priori conflictogenic state of the system of international relations, which is in a state of permanent variability. Assumed as methodological "keys" of the study, preference is given to the methodology of the anthropological measurement of international relations, which allowed us to conclude that the anthropology of international relations does not deny the role of the state, but only checks its functions in order to avoid their hyperbolization and contribute to the transformation of an individual into a priority object of security. Another theoretical and methodological basis was the theory of Securitization in Policy Analysis, which contributed to the formulation of a conclusion about the contradictions that arise between the process of ensuring national security and the need for human security when one has to be sacrificed in favor of the other. Yet another theoretical basis for the article was by A. Maslow's theory of the hierarchy of needs, which caused an objection from the author of the article to the well-known American researcher over his thesis that the need for security rarely acts as an active force. The main argument of the author of the article is that the need for security, transforming into a desire for security, turns into a completely active, if not aggressive, force, a priori creating conflict situations. An analysis of the evolution of paradigms

for ensuring security in the international relations system concludes that a successive series of world orders resulted from wars that ended in peace, in which a causal relationship is found between the instinct for self-preservation and aggressive actions, between the need for security and trying to satisfy it by any means. In order to achieve the goal of the study, a solution is proposed to the complex task of maintaining an acceptable level of human security, possible under the condition of close interaction with the state.

Keywords: world order, securitization, Maslow's hierarchy of needs, reference object of security

The author

Dr Evgeny V. Suslov, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

E-mail: esuslov@mail.ru